

Немой крик

Автор:

[Дана Стар](#)

Немой крик

Дана Стар

Шесть лет назад страшная авария отобрала у меня семью и голос. До совершеннолетия я жила в приюте, а затем меня продали в рабство как бездушную вещь. Я думала, что обречена и мне ни за что не вырваться из вечного плена. Пока не встретила ЕГО. Дмитрия Орлова. Во время аукциона он купил меня и спас от мерзкого араба, которому меня обещали как ценную секс-рабыню. Я надеялась, что спасена. Но нет же! Я снова в плену. Теперь я – игрушка властного миллионера.

Книга содержит нецензурную брань.

Дана Стар

Немой крик

Дана Стар

В оформлении обложки использовано изображение с сайта Shutterstock.

* * *

Пролог

Меня выволокли на сцену с последней партией, состоящей из пяти рабынь. Все девушки были по-своему уникальные: стройные, нарядно одетые, с яркой, интересной внешностью. Косметика и вульгарная одежда творила чудеса, поэтому невольниц быстро разбирали. Как ёлочную мишуру перед Новым годом.

Когда я вышла на трибуну, у меня тут же ноги от страха подкосились, голова панически закружилась, а дышать стало невыносимо трудно. Там было очень много людей. Разной национальности, разного пола, веса, цвета кожи, ориентации. Это меня насторожило. Выглядели они отвратительно. Они без конца что-то кричали, аплодировали и вели себя некультурно, как для сливок общества. Кто-то свистел, кто-то матерился, а кто-то на радостях чесал свои набухшие ширинки. Возможно, им в шампанское, как и мне, подсыпали наркотическую дрянь.

В зале было темно. Над головой сияли зеркальные шары, мигали софиты, вращались разноцветные прожекторы. Я прищурилась, пытаюсь рассмотреть публику получше, как вдруг, увидела ЕГО. Безумно привлекательного мужчину. Один взгляд на незнакомца – и я таю, будто сахар в кипятке.

Кто он? Как его имя? Из какой страны? Вероятно, русский.

Тысяча вопросов мигом вскружило голову. Но как оказалось, этот красивый мужчина славянской внешности был один в зале. Остальные, отрастившие пузо и третьи подбородки «клиенты», являлись типичными иностранцами.

Я смотрела на него с жалостью, с мольбой, как на последний глоток воздуха в открытом космосе, как на последнюю каплю воды в засушливой пустыне, как на единственную надежду на спасение, а по моим щекам крупными бусинами скользили слёзы.

Одними губами прошептала:

«Спа-си... Про-шу...»

И всё время смотрела на него. Не моргая, задержав дыхание. Смотрела и молилась. Молилась богу, дьяволу, Ангелу-хранителю, Будде и ещё чёрт знает кому! Потому что боялась. До смерти боялась стать чей-то безвольной куклой, бездушной игрушкой, грушей для битья, шлюхой, или просто куском разделочного мяса.

Я смотрела на него. Он – на меня. Ни единой эмоции. Пустой и холодный взгляд. Абсолютное безразличие. Ни одна жилка не дрогнула на его холёном лице миллиардера. Мужчина сидел в первом ряду, в местах для VIP клиентов, широко расставив ноги в окружении полуголых азиаток, которые массировали ему плечи, подавали напитки и даже одна из них, стоя на коленях, натирала ему обувь голыми руками. ГОЛЫМИ РУКАМИ!

Незнакомец поднял на меня свои большие, выразительные глаза, слегка нахмурил лоб, подпёр подбородок ладонью, призадумался.

Интересно, о чём он думает? Может все-таки купит? Пускай! Пускай это будет он! К нему хочу! К нему...

Я ещё раз прошептала одними губами:

«Спа-си... ме-ня...»

Но он никак не реагировал. Голос ведущего вернул меня в жестокую реальность. Всех девушек из моей партии продали. Осталась только я. Последняя.

Глава 1

– Эту! Черноволосую! – Доносились их фразы ломаными отрывками. – Точно никто искать не будет?

– Точно-точно! У неё вся семья насмерть. В лепешку. Во время жуткой аварии. – Заведующая демонстративно хлопнула в ладоши, сцепив руки в замок, а я невольно на месте подпрыгнула, почувствовав, как сердце в груди забилося на пределе. – Она одна чудом жива осталась. Только вот есть кое-какой нюанс... Не

разговаривает девочка. Совсем. После того страшного случая.

– Х-м-м, это даже к лучшему. Идеальный вариант! А что с возрастом?

– Лине только вчера исполнилось восемнадцать. В самом соку деточка. Уже жильё и работу пытаемся подыскать. Но сами понимаете... Одна морока с ТАКИМИ.

Последняя фраза лощеным джентльменам была не особа интересна. Перебили, даже договорить заведующей не позволили.

– Отлично! Берём! – огласил один из «депутатов». – Я знаю такое место, где она научится работать ртом, даже не имея голоса.

Незнакомцы грязно заржали, толкая друг друга локтями.

– Тогда нам ещё ту, ту, и эту! – Другой его приятель дополнил мысль первого, вальяжно ткнув ухоженным пальцем в сторону моих подруг, неподалёку читающих книгу, шёпотом добавив: – Деньги, как обычно, наличкой.

– Я подготовлю все необходимые бумаги. – Сахарным голосом пропела директриса, протягивая пухлые ручонки джентльменам.

– И про конфиденциальность не забудьте! – Предупредили господ.

Они все втроём по очереди сцепились друг с другом крепким рукопожатием и торопливой походкой направились к выходу.

Мне было не особо понятно, о чём они там болтали. Да и вообще, если честно, не интересно. Взрослые дела. Очередные спонсоры пытаются уйти от налогов, задабривая сиротское отребье просроченными шоколадками.

Сидя за облезлым столом возле окна, я продолжала рисовать портрет моей мамы. Я рисовала её каждый день. Её лицо, её красивые, мягкие руки, лучезарную улыбку и добрые глаза. Чтобы не забыть. Чтобы помнить. Всегда-всегда помнить. И не сойти с ума от одиночества. Я рисовала её в разных позах, в разных местах, в обнимку со мной, с моей маленькой сестрой и любимым

отцом. Никогда не забуду тот самый день... День, когда моя жизнь навсегда оборвалась. День, когда у меня ничего не осталось. День, когда мои самые близкие люди навсегда ушли. Ушли из жизни. И больше никогда не вернуться.

Всего несколько дней назад мне исполнилось восемнадцать. Вот и всё. Я совершеннолетняя. А значит меня очень скоро просто выпнут на улицу. Обездоленная пустышка! Столько лет прошло, а я до сих пор одна. До сих пор заперта в убогом клоповнике никому не нужных вещей. Немая оборванка с глубокой психической травмой. Кому нужна такая «радость»? Проще усыпить. Усыпить как собаку! Я ведь пропаду, там, в большом и холодном мире чёрствых людей. И почему небеса решили оставить мне жизнь? В той жуткой аварии погибли все, кого я любила. Лучше бы и я с ними тоже. Погибла.

Задумавшись, во время рисования, я случайно обронила стакан с красной краской на мамин портрет. Алая жидкость уродливыми кляксами растеклась по её красивому лицу. Меня затошнило. Кисточка выпала из рук, тело сковала нервная дрожь, во рту пересохло, а сердце забилося где-то в ушах. Нет! Я не должна думать об аварии. Не должна! Иначе... будет только хуже.

Считанные секунды оставались до начала припадка, как вдруг, я почувствовала осторожное прикосновение в области плеча. В ноздри ударил знакомый приторный запах бульварных духов. Это была наша заведующая – Жанна Михайловна. Она так сильно любила свои духи, что была чертовски эгоистична к мнению окружающих. Меня запах её духов всегда отрезвлял. Точнее, отрезвлял от дурных мыслей. Как аммиак, например.

– Милая, а у меня для тебя чудесная новость!

Я на секунду отвлеклась от горестных мыслей и даже от того, что новый рисунок был испорчен.

– Очень красивая работа! – Она, видимо, лягнула это из вежливости. А сама втихаря настроит рапорт психологам, что якобы у меня произошла вспышка скрытой агрессии-депрессии. Потому что на моём рисунке словно только что расчленили человека. – Но красного, кажется, много. Это что, кровь?

Что и требовалось доказать.

Огромные тёмно-карие глазища директрисы осуждающе прищурились, а хватка на предплечье, наоборот, усилилась.

Ненавижу, когда ко мне прикасаются!

– Нет. Я случайно опрокинула краску. – Жестом объяснила Бурёнке. «Бурёнка» – так заведующую втихаря называли детдомовские. Потому что тётя Жанна постоянно жевала жвачку, курила, любила носить в ушах огромные золотые кольца и весила ровно столько, сколько весит годовалый телёнок.

– Ладно, не расстраивайся. Так вот... – Она продолжила разговор, – Представляешь, милая, тебя удочерили! Какое счастье! – Когда она это озвучила, я снова принялась рисовать мамин портрет, ощущая затылком, как губы заведующей растянулись в змеиной улыбке.

Вот и настал тот самый день. День, который я ждала восемь лет. День, который я представляла себе каждую свободную минуту. У меня появится дом. И семья. Интересно, какими они будут?

Сначала я обрадовалась, но затем радость сменилась грустью. Внутренне я задумалась: действительно ли мне нужна новая семья?

А если они мне не понравятся? Если я им не понравлюсь? И смогу ли я принять новых родителей, также как своих? Погибших...

Думаю, вряд ли.

– Ну, дорогая, ты рада? – Жанна потрянула меня сильнее.

В ответ я лишь пожала плечами, продолжая тщательно прорисовывать мамины руки, представляя, как она гладит меня этими руками... Нежно, с заботой. Как старательно заплетает волосы в косы.

– Это, наверно, для тебя безумно неожиданная новость? Но не переживай! Твои будущие опекуны очень хорошие люди. И очень обеспеченные. Ты должна быть послушной, чтобы тебя не вернули обратно. Договорились? Это твой единственный шанс. Шанс начать жизнь с чистого листа, а не отправиться на

консервный завод и до самой старости жить на подачки социальных служб.

Я нехотя кивнула. В груди жжёт и распирает странное напряжение.

– Вот и отлично! А сейчас я провожу тебя в твою комнату. Нужно собрать вещи. Твой новый папа уже ждёт тебя в машине.

Неужели? Так быстро?

* * *

Жаль, что у меня не хватило ума задуматься над тем, почему какие-то там неизвестные люди решили удочерить совершеннолетнюю? А зря.

Наверно, я просто очень сильно обрадовалась. В тот момент меня накрыли сильные эмоции. Я ведь об этом так долго мечтала! О родителях, о любящей семье, о новом доме. Думаю, я смогу справиться со своими чувствами и смогу впустить в свою унылую жизнь новых людей. Хотя бы попробую. Бог дал мне шанс. Шанс начать всё заново, а не гнить медленно, закрываясь ото всех, отсиживаюсь в холодной, покрытой плесенью кладовке.

Мои новые опекуны будут очень добрыми, щедрыми, заботливыми людьми. Они позволят мне поступить в университет и больше никто не будет надо мной издеваться. Ни мальчишки из соседней группы, которые вечно дёргали меня за косы, обзывали, поколачивали и ржали над тем, что я не могу ответить – ни словом, ни делом. Ни воспитатели. Которые любили избивать меня грязной шваброй и закрывать в холодной кладовке с крысами на целую ночь. Просто потому, что им мало платили. А они таким образом избавлялись от своих внутренних проблем, или собственной несостоятельности, выплёскивая злость на слабой жертве. Как, например, наша уборщица.

Я ведь не могла ничего рассказать заведующей. Как и не могла закричать, когда она лупила меня шваброй, за то, что Ларису Викторовну не устраивала её унижительна работа с копеечной зарплатой. Никто не слышал моего плача. Никто не слышал моих криков. Всем было плевать.

После жестокой расправы уборщица угрожала мне, что, если я проболтаюсь – утопит в ведре с помоями, а начальству скажет, что я сама решила утопиться. Якобы потому, что устала от такой жизни. После аварии превратилась в невменяемую истеричку.

И естественно, поверили бы ей, а не мне. А я уже привыкла к скотскому обращению и жила лишь просто потому, что надеялась на лучшее. Жила в память о маме, которая закрыла меня своим телом, а сама погибла, в тот момент, когда в нашу машину на бешеной скорости врезался грузовик. Просто так сдаться и порезать себе вены... станет оскорблением её чести.

Я надела самое лучшее платье, которое только нашлось в моём убогом гардеробе. Волосы заплела в тугую косу, а вот косметикой никогда не пользовалась. У меня её просто не было. Была лишь одна единственная бледно-розовая помада, которая пахла прогорклым маслом.

Вещи собрала за пять минут. Моё ущербное приданое состояло из пары застиранных платьев, альбома с красками, блокнота для записей, с помощью которого я общалась с людьми, и трёхлапого медвежонка-рюкзачка, оставшегося у меня в память о младшей сестре.

Этого мишку подарила ей я. В день аварии у Катюши был день рождения. Моей сестрёнке исполнилось всего лишь четыре года. В тот день сука судьба преподнесла ей жестокий подарок. Маленькому, беззащитному ребёнку... Отобрав у неё жизнь в день рождения. В день рождения!

Удар был настолько сильный, что медики говорят, что погибли они мгновенно. Без мук и боли. Даже понять ничего не успели...

Когда я смотрю на потрёпанную игрушку, мне кажется, что я до сих пор вижу на ней кровь. А вот выкинуть не могу! Ведь у меня больше ничего не осталось. Всё наше имущество отобрали плохие дяденьки в качестве оплаты за долги отца. А меня... меня засунули в сиротский приют.

После гибели семьи, на фоне мощного шока, я потеряла не только себя, но и голос. Ровно тогда, когда нашу машину раздавил грузовик.

Глава 2

– Боже, Алина! Ты почему надела это убожество? Быстро переоденься!

Испугавшись внезапного крика директрисы, я резко подскочила на месте, неловко выронив на пол рюкзачок сестры, когда позади себя услышала звонкий цокот каблуков, сопровождающийся недовольным мычанием заведующей.

– Вот, надень другое платье, – протягивает новенькую подачку, упакованную в целлофановый пакет с логотипом нашего детского дома, – ты должна произвести хорошее впечатление на своих новых хозяе... родителей! – Она невольно заикнулась, выдавив на пухлом лице коварную улыбку.

– Ладно. – Жестом ответила я, принимая «подарок».

В принципе новое платье ничем особо не отличалось от старого. Разве что материал был более приятным и ткань пахла фабрикой, а не хлоркой. Взглянув в мутное зеркало, висевшее на ободранной стене напротив шкафа, я увидела своё отражение. Ничего нового! Кроме строгого платья чёрного цвета, длиной чуть выше колен, украшенного белым кружевным воротничком и такими же кружевными манжетами. Строго, но мило.

Природа наградила меня длинными, цвета глубокой ночи волосами, большими синими глазами, бледной, практически белой кожей, небольшой аккуратной грудью и длинными ногами, на которых, в тон к платью, сейчас «сверкали» поношенные балетки из клеёнки.

– Так-с! Надень ещё и белые носочки. Вот ведь милота! А волосы мы, пожалуй, распустим. – В зеркале появилось отражение вполне себе довольной Жанны, которая с головы до ног жадно сверлила меня своими змеиными глазками. От этого недоброго взгляда у меня по спине пронеслись холодные мурашки. Не дождавшись подчинения, женщина сама стащила резинку с моих волос. Сжав кулаки, я как обычно промолчала, мечтая уже как можно скорей покинуть стены приюта.

Я всегда считала, что лучше жить на кладбище, чем в приюте, где условия для существования были не лучше, чем, к примеру, в тюрьме строго режима. Здесь с воспитанниками обращались как с животными. Поэтому часто случалось такое, что некоторые воспитанники не доживали до следующего утра. Некоторых, то есть счастливых, забирали в новую семью. А некоторые... сбегали на крышу и заканчивали свою безнадёжную жизнь одним быстрым прыжком.

– Вот так намного лучше. Ты очень красивая! – Хлопки по спине, я наблюдаю очередную высокомерную улыбку в отражении мутного зеркала. – Маленький, хрупкий ангел. Сама невинность.

К чему были сказаны все эти лестные фразы? Она как будто замуж меня сватает, ей-Богу, а не с новыми родителями знакомит.

Жанна Михайловна лыбилась настолько приторно, будто только что выиграла миллион. Я предположила это в шутку, интуитивно. Но оказалось, что в каждой шутке есть доля истины. Потому что управляющая действительно неплохо обогатилась в тот день. В день, когда обманом продала меня как скот на заклание.

Заведующая, одной рукой, взяла меня за руку, другой – пакет с вещами, и повела меня на улицу. Только вот почему-то не к главному входу, а в сторону чёрного. Тогда я не обратила на это внимание – слишком сильно волновалась. Настолько сильно нервничала, что даже забыла собственное имя.

«Я – Алина. Приятно познакомиться! – Мысленно репетировала речь для опекунов. – Спасибо что э-э-м выбрали меня. Обещаю, буду покладистой и послушной. А ещё скромной, тихой, трудолюбивой. Только не возвращайте обратно в приют! Пожалуйста. Умоляю!»

Как же я им скажу об этом? Знают ли они язык жестов? Надо хотя бы написать благодарность в блокноте. Заранее. Не то растеряюсь и алфавит забуду.

Где же радость? Где улыбка? Почему сердце так бешено в рёбра вколачивается, а тело парализует покалывающая дрожь?

Странное предчувствие. В горле – привкус металла, а в мыслях – разъедающее беспокойство. Такое, словно мой внутренний Ангел-хранитель мне что-то

нашёптывает. Предупреждает. Просит развернуться и бежать куда глаза глядят. Без оглядки.

Жанна тащила меня по тёмным, пропитавшимся сыростью коридорам, пока мы, миновав кухню, не оказались на улице перед служебными воротами, за которыми был припаркован большой тонированный фургон, а в паре шагов от машины, под старым дубом, важно покуривая сигару, стоял незнакомый мужчина в строгом костюме чёрного цвета и в солнцезащитных очках.

Сегодня на улице было ветрено и прохладно. Ясное небо затянули тяжёлые тучи темно-серого цвета, не оставляя ни единого намёка на солнце, даже несмотря на то, что начался бархатный сезон, после жаркого лета, перед холодной и дождливой осенью. А этот уважаемый господин отчего-то надел очки. Хм... наверно для стиля.

– Добрые день, Григорий! А вот и мы! – Радостно взвизгнула Жанна, махнув пухлой ручонкой с золотыми часами.

Мужчина деловито кивнул, лениво бросил окурок в лужу и, отдёргнув подол пиджака, уверенной походкой двинулся к нам навстречу. Ноги подкосились. Колени сковала ледяная дрожь. А окружающий мир перед глазами завертелся будто на каруселях. Что со мной происходит?

Непроизвольный шаг назад. Я обхватываю себя руками. В этот момент над нашими головами громовым раскатом раздаётся вороний крик. Взгляд в небо – я вижу, как стая иссиня-чёрных воронов нападает на одинокую голубку. Они кричат, кучкуются в небе, атакуют, разрывая нежную плоть несчастной жертвы на рваные куски. Настолько агрессивно, что с неба крупными хлопьями сыпется снег из серебристых перьев, вперемешку с кровавыми каплями, а их противный хриплый «кар» режет мне уши и курантами отбивает в висках. – Проклятые стервятники! – Шипит директриса, брезгливо стряхивая с левого плеча своего темно-красного пиджака птичий пух. А у меня слёзы в глазах застывают, при виде чудовищной жестокости. Плохой знак.

Директриса толкает меня в спину, улыбаясь, как Чеширский кот – подло, коварно, до самых ушей. Глаза женщины лукаво поблескивают, а на лице расплывается хитрая маска. Лёгким кивком головы Жанна Михайлова здоровается с гостем, который уже торопливо поднимается на крыльцо по

разбитым ступенькам.

– Привет, Алёна! – Посылает мне радушное приветствие мой новый папа.

– Алина... – Буркнула заведующая, скрипя зубами. – Ой, Лина! Линочка! Алина! Прости! – Хохотнул господин в смокинге, почесав коротко подстриженный затылок.

На вид, ему около сорока. Обычная, среднестатистическая внешность, без какой-либо изюминки. Типичный образ хладнокровного бизнесмена-трудоголика. Жаль, не видно какого цвета у него глаза. Так некультурно – знакомиться в очках.

Руку мне протягивает, новый папочка, улыбаясь на все свои тридцать два идеально выбеленных зуба: – Рад знакомству! Поехали, малышка! Тебя ожидает много приятных сюрпризов.

Странно, а ведь он даже не представился. Кто такой, имя, чем занимается? Куда мы поедем? Возможно, он всего лишь шофёр? Скорей всего да! Просто помощник. Ведь мои новые родители уж точно должны безошибочно знать имя будущей дочери, а не мычать, заикаясь на каждой букве.

Я попыталась улыбнуться, но со стороны, наверно, получилось как-то кисло. За руку его взяла. Как вдруг, наши ладони неприятно обожгло током. – Это вам, Жанна. Как договаривались. – Одной рукой со мной поздоровался, а другой – протянул заведующей чёрный дутенький мешочек. – За троих.

– Благодарю. – Она обрадовалась ещё больше, радушно принимая в объятия шуршащую упаковку. – С вами приятно иметь дело! – Взаимно. – Коротко ответил мужчина, будто по заданному, чётко отработанному сценарию, натянув на лицо маску железного робота. – Босс просил передать, чтобы через месяц была ещё одна поставка. – Сколько нужно товара? – Дыхание директрисы заметно участилось, будто она только что пробежала километровый кросс, а крысиные глазки хитро прищурились. – Чем больше, тем лучше. – Я поняла! Отберу для вас товар самого отменного качества! – Ну вы уж постарайтесь... На этом странном диалоге мы распрощались. Только вот Жанна особой любезностью не отличалась. Жадно вцепилась в пакет обеими руками и прочь поспешила, внутрь здания, сильно хлопнув дверью, ничего не сказав на прощание.

Со стороны её поведение выглядело так, будто она только что избавилась от тяжёлого груза. Или от мусора. Я для неё, как и другие воспитанники, была безродной вещью. Грязным тараканом, с которого она имела свои грязные денежки. Ощущение предательства ржавыми гвоздями вьелось под самую кожу мозга, но я старалась не заикливаться на собственных разрушающих мыслях. Я попыталась улыбнуться, когда мужчина повёл меня к машине. Быстро достала из рюкзака блокнот, набросав парочку вопросов:

- Привет! А как тебя зовут? Ты мой новый опекун? Куда мы едим?

Хотела протянуть блокнот незнакомцу, но он сделал вид, что не заметил мои записи. Быстро открыл дверь фургона, жестом приглашая внутрь.

- Меня зовут Григорий. Я работаю на твоего опекуна. Ни о чём не волнуйся, садись в машину. - Натянуто улыбнулся он, протягивая руку, чтобы помочь забраться внутрь.

- Окей. - Безмолвно шепнула я, осторожно забираясь в салон небольшого автомобиля, в котором было непривычно темно и пахло кожей, с примесью сигар.

Глаза ещё не успели адаптироваться к темноте, поэтому я не сразу поняла, что в машине я оказалась не одна. А когда поняла, дверь за моей спиной с силой захлопнулась.

Я вздрогнула. По спине побежали ледяные мурашки. Меня бросило сначала в жар, а затем в холод. Когда там, в салоне, на самых дальних сидениях, я увидела двух девушек. Я их хорошо знала. Им тоже совсем недавно исполнилось восемнадцать, они ещё не успели покинуть стены приюта. Мне сказали, что их тоже удочерили. Но зачем? Зачем кому-то понадобились совершеннолетние девушки? Бессмыслица.

Они лежали неподвижно. Глаза закрыты, а рты, напротив, едва приоткрыты. Но самое ужасное было то, что их руки были связаны тугой верёвкой.

Что происходит? Я инстинктивно развернулась, бросившись к дверям. Дёрнула за ручку - надёжно заперта.

– Укладывайте её уже, чего тянете? – Послышалось со стороны водительского сидения. Эти грубые слова принадлежали Григорию.

Я почувствовала, как кто-то грубо схватил меня за плечи, заломил руки за спину, а к лицу припечатал кусок влажной ткани, со специфическим, до тошноты неприятным запахом. И как я только могла не заметить, что в машине, помимо девушек, были ещё двое мужчин? Кажется, это они разговаривали сегодня утром с заведующей.

В этот страшный момент, я думала, что умру от страха, что моё сердце не выдержит и лопнет от ужаса! Зачем они это делают? Наверно я сплю. Но сон не может быть таким реальным.

Последнее, что я услышала перед потерей сознания – надменный, басистый хохот. А последнее, что почувствовала – грубые, шершавые ладони, которые с силой вцепились в мою правую грудь и властно сдавили сосок.

Через несколько секунд я провалилась в бездну. Холодную, глубокую, наполненную лишь болью и страданиями бездну.

Глава 3

Весь период, который я провела без сознания, мне снились кошмары, в которых ядовитыми змеями клубились самые мерзкие мысли. Начиная с того, что меня похитили с целью, чтобы разобрать на органы, заканчивая вариантом сексуального рабства.

Ну зачем я им? Зачем? Тело – тощая спичка, на лице – хронические синяки, психика подорвана, сексуального опыта ноль. Да ещё и с голосом огромные проблемы! Что с меня поимеешь? Разве что органы.

Хотя, даже в темноте, перед тем как лишиться чувств, я заметила этот жадный, всепожирающий взгляд одного из похитителей. На его упитанном лице вспыхнула кривая усмешка. Он смотрел на меня так, как голодный волк смотрит на беспомощную жертву, мечтая содрать с неё шкуру.

И хорошо, что я потеряла сознание. Но перед смертью ведь не надышишься?
Надеюсь, меня всё-таки разберут на органы.

Но мои пожелания остались без внимания. Мучения только начинались. Тогда я ещё даже не догадывалась о том, что жестокая судьба бросила меня в самый настоящий и беспощадный ад.

– Шевелитесь, уроды! Опоздаем!

Когда я открыла глаза – поняла, что болтаюсь вверх тормашками на чьём-то твердом плече, а этот кто-то грубо орёт мне на ухо.

– Тащите их вон к тем контейнерам, с надписью «Осторожно, дикие обезьяны»!

В глазах всё плывёт, веки слезятся, окружающий мир размыт. Я вижу лишь грязный металлический пол и чувствую запах протухшей рыбы. А голова как раскалывается! Как-будто меня несколько долгих часов били железной битой. Я часто-часто моргаю, мычу, извиваюсь, требуя, чтобы меня немедленно поставили на ноги и отпустили.

– Опля, уже очнулась? – Похититель сипло рассмеялся, грубо шлёпнул меня по ягодице, а затем, как мешок с отходами, бездушно бросил на грязный пол.

Кровь хлынула к лицу, когда я поняла, что подол моего платья задрался, оголяя бёдра, а этот вонючий урод успел рассмотреть то, что находилось у меня под юбкой. Страшно даже представить, что они со мной делали, когда я находилась без сознания. Когда я упала на пол – меня замутило, а желудок скрутило морским узлом. Отвернувшись, я вырвала. А затем вдруг почувствовала сильную хватку в области затылка. Грязный подонок больно схватил меня за волосы и грубо встряхнул, используя локоны в качестве поводка, обращаясь со мной как беспризорной с дворнягой. От бандита пахло потом, протухшей рыбой и морем. От всей этой смеси рвотных ароматов я почти задохнулась.

– Ну привет, конфетка! – Зашипело это неотесанное, лишённое сердца создание у самого моего уха, глубоко втянув ноздрями запах юного тела. – Как же сладко ты пахнешь...

– Эй, ты, Чикатило, блять! А ну отошёл от девки! – Позади раздался знакомый голос, принадлежащий Григорию. В этот раз господин-бизнесмен не отличился хладнокровной сдержанностью и вежливостью, как тогда на территории приюта. Ибо матерился мужчина похлеще вокзальных бомжей.

Я до сих пор не понимала, где нахожусь и что эти нелюди собираются со мной делать. Слезы слепили глаза, а сердце в груди разрывалось на части. «Чикатило» ослабил хватку. Я плашмя плюхнулась на палубу, попыталась отползти в сторону, но тело настолько ослабло, что я и на сантиметр с места не сдвинулась. Конечности затекли, а руки были намертво связаны колючей верёвкой. Кто знает сколько часов нас везли в машине? По ощущениям – сутки, как минимум.

Желудок утробно урчал от голода. Несмотря на это, есть мне не хотелось. Меня тошнило и выкручивало наизнанку. От стресса и от этого дурацкого яда, которым я надышалась перед тем, как лишиться чувств.

– Чебурекнешь её и меньше бабла срубим, если не целкой на торги доставим. Так что давай без фанатизма, дружок! Помацал, вздрочнул и свободен, придурок. – Григорий превратился в настоящее бродячее быдло. – А лучше вообще не трогай! Шлюху вон портовую себе найди, больше толку будет. Сделает всё как надо.

– Нет, портовые меня больше не возбуждают. Эту хочу! Сладенькую! Темноволосую! На неё так елдак стоит, что охуеть можно. У меня уже яйца дымятся от перенапряжения.

– Извращенец конченный.

– Сладкая очень девочка. Миленькая. И кричать не будет, если по самые яйца драть. Удачная покупка, братиш. Повезёт кому-то. – Насквозь обжег моё распластанное на полу тело ядовитым взглядом. – Если бы все бабы были такими... Э-м-м, молчаливыми. Человечество уже давно бы побывало на всех планетах нашей необъятной Галактике. – Не только на планетах. Ещё и в прошлом.

– Ах-ха-ха! Язык подрезал – вот тебе идеальная баба.

– Ладно, хватит ляды точить, давай побыстрей. – Строго отчеканил Григорий. – Через двадцать минут отчаливаем. Шлюхи должны быть надёжно связаны и наглухо замурованы по ящикам. – Да я за три минуты отстреляюсь! С такой-то крошечкой... – Ну я тебя в общем предупредил. Порвёшь её – и тогда я тебя порву.

– Батюшки! Какие мы грозные! – Надменно расхохотался моряк. – Ну просто обоссаться от страха! Угрожаешь мне, сосунок? Я в море тридцатник отпахал, плюс ещё десяток на зоне. Так тебя отделаю, что мать родная не узнает! – Здоровяк, который тащил меня на плече, угрожающе рыкнул, скрестил руки на объемной груди, и, прочистив горло, отвратительно схаркнул на пол мокроту.

Зря он это сказал. В ответ послышалось лёгкое шуршание, а затем щелчок. Меня панически передёрнуло, когда я увидела, как Григорий приставил к виску «Чикатилы» пистолет.

Боже! Это что? Это в-ведь оружие! Настоящее?

Жанна Михайловна, где же вы? Спасите! Умоляю! Как же так вышло? Неужели вы не знали каким мерзавцам передали собственную воспитанницу?!

– Хэй, хэй, мужик! Спокуха! Ладно, чё уж там! Базар окончен. Пушечку-то убери. Признаю вину, погорячился. Был не прав. Но клянусь, с девкой всё будет в полном порядке. Я только передёрну разок на её маленькую попку и всё. Ну мне правда очень надо! Нормальных тёлочек уже с месяц как не видел. А эта, хоть на нервы не будет действовать своими воплями.

– У тебя ровно пять минут. Если через это время не увижу товар в контейнере – твои дружки будут соскребать твои мозги с палубы, а твои отстреленные причиндалы отправятся на корм акулам. Уяснил?

– Окей. Уяснил, уяснил. Не тупой, мля.

Григорий спрятал пистолет за пазуху, привычным действием одернул подол пиджака, щепетильно расправив невидимые вмятины на ткани.

– Распишись! Это для Башкирова. Контракт на шестнадцать душ. Членом за каждую отвечаешь. Особенно за немую! – Протянул собеседнику какую-то кожаную папку.

«Чикатило» послушно чиркнул автограф. В этот момент его мозолистые руки, держащие ручку, дрожали как у восьмидесятилетнего старика. Деловито крутнувшись вокруг своей оси, Григорий зашагал прочь.

– Пидрила, – шёпотом добавил моряк, когда бизнесмен скрылся за огромным металлическим контейнером.

Вымещая накопленную злость, он со всей силы вмазал кулаком по металлической поверхности ящика с надписью: «Осторожно! Дикае обезьяны!».

От этого удара меня тряхнуло как в лихорадке. Свернувшись калачиком, я закрыла глаза и зажмурилась, отчаянно прошептав молитву.

– Ну-ка, иди сюда, красотка! – Шершавые руки ублюдка вцепились в мои костлявые лодыжки. – У нас мало времени. Развлечёмся немного.

Он рывком рванул меня на себя, схватил за волосы, грубо толкнул в узкий проход между двумя контейнерами. А сам сверху навис, принявшись нервно дёргать ремень на поношенных джинсах, на которых в области паха уже виднелся выпирающий бугор, размером с крупный банан. Щелчок, звук расстегивающейся молнии, и вот он, грязный извращенец, уже стоит напротив меня, истекая слюной, с приспущенными до уровня колен штанами.

Мамочки...

Наклоняется, ухмыляясь в акульем оскале. Пухлое лицо, щетина на подбородке, жидкие волосы, собранные в крысиный хвост на затылке, огромный пивной живот, накаченный жиром – этот человек отвратителен и ужасен! Надеюсь, очень скоро он до синевы нажрётся палёной водки, свалится за борт и его сожрут дикие крокодилы.

Ублюдок радостно смеётся, наваливается на меня сверху, придавливает своим тюленьим весом к полу и резко задирает моё платье до бёдер, выхрюкивая

восторженные отзывы:

– Вот это малышка! Вкусная, маленькая ягодка. Я б тебя купил, но денег жаль не хватит. Хорошо хоть потрогаю. Расслабься... Тебе понравится. Боцман покажет тебе звёзды! Не ломайся, крошка. Это приятно. Пришло время почувствовать себя женщиной. Там, куда ты скоро отправишься, ты будешь делать это каждый день. Делать самые разные и непристойные вещи. Поэтому привыкай, малышка. Привыкай, осваивай новую профессию! И будь послушной девочкой. Тогда, никто не будет тебя бить.

Я попыталась скинуть грязную свинью со своего немощного тела, колотила руками и ногами его мясистый живот, захлёбывалась в собственных слезах. Бесполезно! Мерзавец даже мельком не почувствовал моих жалких брыканий. Я настолько ослабла, что с трудом могла дышать.

В конце концов он сделал то, что планировал. Стянул с себя штаны, вытащил уродливый член из трусов и начал интенсивно водить мозолистой рукой по твёрдому, налившемуся кровью стволу, с каждой новой секундой ускоряя ритм движений. Одной рукой – выродок дровичил, а другой – одержимо шарил по моим бёдрам и больно хватал за грудь, оставляя синяки на чувствительной коже. А я в этот страшный момент билась в безмолвной истерике, давясь слезами, утопая в собственной ничтожности.

Но всё же он этого не сделал. Не лишил меня девственности. Из-за угроз Григория. Подонок поимел меня поверхностно. Ровно через две минуты мучений ублюдок кончил, поливая мои ноги горячим, липким белком. Выпустив пар, мерзавец удовлетворенно обмяк, но всё ещё продолжал массировать свой вялый огрызок и огромные, обросшие густой растительностью яйца. Он делал это в порядке очереди. А когда возбуждение поутихло, нелюдь прошипел:

– Спасибо, милая... – Тяжело дыша. – Ты – настоящее сокровище.

Я не слышала его восторженных откликов. Ничего не слышала! Кроме глухих ударов собственного сердца, которое беспощадным автоматом вколачивалось в рёбра. Мне хотелось лишь одного... Как можно скорее отправиться к родителям.

* * *

Когда я пришла в себя, поняла, что нахожусь на огромном корабле, сплошь заставленном металлическими контейнерами. Вероятно, это было грузовое судно. По палубе туда-сюда шныряли мужчины в тельняшках, выполняя разнообразную работу. Интересно, знают ли они, что на их судне происходят чудовищные вещи? И никто, никто не вправе помешать этому! Всем плевать. Главное, чтобы деньги вовремя платили.

Тот самый ублюдок, который только что поглумился над моим телом, перекинул меня через плечо и потащил в неизвестном направлении, напевая себе под нос весёлую частушку, одновременно покуривая самокрутку. Меня накрыла апатия. Сил на борьбу не осталось. Мне хотелось орать во всё горло. Звать на помощь, умолять о пощаде! Драться до последнего вздоха, отстаивая свои права. Бесплезно. У меня нет голоса. Нет родных и близких. Я жалкое ничтожество. Никому я не нужна. Никто искать не будет. Не человек я. А вещь. С которой в праве делать всё, что вздумается.

- Эй, Боцман! Ты где шляешься? Как обычно, да? Червяка своего дёргаешь?

Мы подошли к одному из контейнеров, рядом с которым, покуривая дурь, стояли несколько неизвестных мужчин в застиранных матросках.

- Заткнись, капитан Барбоса! Я успел. Эта последняя. Коли уже давай ей жопу, спать укладывай и жрать айда. Чёрт! Как же бухнуть охота.

- Ты глянь, довольный какой! Что, поимел небось эту цыпочку? Башкиров если узнает - сам тебя поимеет. На торги выставит, яйца подрежет и платье напялит. Станешь вылитой тёлкой. Там на этом, как его там... А! Грёбаном Ко-Ронге тебе цены не будет. Извращенцев до хрена хватает.

- Иди ты на хер! Да не узнает он. Я же её это... только потрогал.

- Ну смотри, не подставляй товарищей. С нас тоже спросят. В бумагах сказано, что она целка.

- Ага! Целее некуда! Ну всё, харэ трепаться. Коли давай!

Я нервно дёрнулась, когда чья-то грубая рука задрала мне юбку.

– Классная. Попка-то ураган! Кукольная, миниатюрная, но мягонькая... Я б вдул!

– Заткнись уже и слюни подбери! Эта элитная шлюха тебе не по карману. Она, говорят, особенная.

Они заржали, а я жалобно застонала, когда почувствовала жгучий укол в области ягодицы, за которым последовал не менее грубый шлепок. После укола, примерно через пару минут, я почувствовала, как куда-то улетаю. В иную реальность. Такую тихую, беззаботную. В которой хочется остаться навсегда. Мышцы слабеют, разум отключается, и я засыпаю, пока чёртовы ублюдки бездушно швыряют меня в один из тех грязных, покрытых ржавчиной контейнеров, в котором холодно, моторошно и воняет навозом. Вместо одеяла – отсыревшая солома, вместо туалета – железное ведро.

– Сладких снов, куколка! Жаль отблагодарить за услуги не чем. Я сейчас на мели.

Надменный хохот, противный скрип металла, и беспросветная, пугающая тьма. Это конец. Назад дороги нет и не будет.

Глава 4

Я уже давно потерялась во времени. То открывала глаза, то проваливалась в сон. Периодически меня рвало и тошнило. То ли от бесконечной качки, то ли от наркотика, то ли от голода, то ли от всего этого разом. В контейнере было холодно и темно. А ещё, как оказалось, там я находилась не одна. В ржавой клетке для обезьян, жалобно постанывая, забившись в дальний угол, лежала ещё одна девушка.

Я до жути боялась темноты. В приюте воспитатели часто запирали меня в подвале с крысами, оставляя меня там гнить на сутки в могильной тьме. Просто потому, что я не хотела есть их похлёбку из куриных лапок и пить чай с плесенью. А в недоваренной крупе нам часто попадались крысиные шарики. Однажды я высказалась об этих ужасах в письме, которое тайно попыталась отправить в социальную службу. Но заведующая, узнав о моих намерениях,

очень разозлилась, приказав уборщице принять воспитательные меры, чтобы доказать мне, что ябедничать – не хорошо!

Лариса Викторовна за этот инцидент избила меня кожаным армейским ремнём с массивной металлической пряжкой. До ран. И даже до шрама. На шее... У меня до сих пор остался уродливый рубец в области шее, в районе затылка.

Из вынужденного сна меня выбросило в холодную реальность. Девушка, с которой нас поместили в один контейнер, истерически забилась в дальнем углу ящика. Я ненадолго пришла в себя, от того, что она нервно ворочалась и била ногами в металлические стены наглухо запечатанного бокса. Но у меня не было сил, чтобы хоть как-то помочь бедняжке. Я не могла двигаться. Физически. Тело будто парализовало. Бедняжка что-то мычала, стучала, пыталась кричать... Но никто не приходил. Вероятно, ей просто заклеили рот, а её тело связали.

Через несколько минут она затихла. У меня от этой страшной тишины волосы на всём теле дыбом встали. Я попробовала подползти – бесполезно. И снова сознание отключилось, растворяясь в беспощадной действительности.

Под утро меня разбудили чьи-то сумасшедшие вопли. А когда я открыла глаза – увидела голубое-голубое небо. Без единой тучки. И тёплое солнце. От которого телу стало немного теплее.

– Твою ж маааать! Вы уроды, блять! Чё делать-то теперь? В контракте ясно было сказано шестнадцать дырок! Шест-над-цать!

– Босс, не паникуйте. Может она просто спит?

– Ты что, сука, тупой что ли? Не дышит она. Не дышит! Как лёд холодная, а во рту – засохшая пена! Вы твари все до единого за это ответите! Понятно! Кто на вахте дежурил?

С адским трудом я подняла голову и увидела Григория. С виду он напоминал бешеного цербера. Я лежала на полу, на палубе, по-прежнему связанная по рукам и ногам, а мужчина, размахивая пистолетом, раздавал мерзавцам пощёчины. Взгляд правее – у меня перехватывает дыхание. В нескольких метрах от контейнера лежит некая фигура, с головой прикрытая грязной тряпкой. А из-под тряпки выглядывает рука. Рука женщины. Бледная. Тощая. Неживая.

– Кто на вахте этой ночью дежурил? Кто, сука?! – Григорий схватил одного из матросов, швырнул его на пол, приставив к голове дуло пистолета.

– Пожалуйста! Пожалуйста! Не надо! Не я это! Не я! – Матрос истерически взмолился. – Боцман! Он дежурил!

– Где он?

– Отсыпается, видать. Я говорил ему, чтобы не жрал много, а он переборщил, видимо. Водка палёной оказалась... Сам гнал и сам траванул...

– Заткнись! Не интересно. Сюда его тащите! Вместо тёлки этой погибшей на панель отправится. И дело его личное мне на руки принесите! Семья есть?

– Д-да. Дочь с женой на кухне поварихами работают. – Выкрикнул один матрос из толпы.

– Это уже что-то. Тогда и их тоже тащите. В мой кабинет.

Клацнув предохранителем пистолета, Григорий вдруг ко мне направился.

На корточках рядом присел, а я сжалась вся как губка, покрываясь ледяной дрожью. Внимательно мазнул по мне властным взглядом, лоб потрогал, пульс прощупал и по щеке как ребёнка потрепал:

– Молодец! Вытерпела! Жить будешь. Ещё немного осталось, моя хороша, моя драгоценная девочка! Мы уже на месте, крошка. Скоро ты озолотишь своего папочку настолько, что он, наконец, купит себе островок на Мальдивах и парочку близняшек-азиаток, которые будут сутками напролёт сосать папочкин толстый член.

Ублюдок!

– В грузовик её укладывают, воды немного дайте, но не кормите. Вечером уже будем на месте.

В этот раз мне просто надели на голову душный мешок. Но перед этим дали немного воды. Я так сильно хотела пить, что думала не доживу до утра. Еду нам не давали. Боялись, видимо, что мы «заблужём друг друга и товар будет испорчен» – дословно выплюнул один из мерзавцев.

Как я поняла в грузовике нас было около пятнадцати душ. Мы ехали примерно полдня. Во время поездки, лишённая зрения, я слышала женский плач и возню. Но в этот раз мы были не одни, а под наблюдением одного из охранников. Когда девушки начинали рыдать, нелюдь кричал на пленниц, угрожая избиением. Но на некоторых это не действовало. Тогда выродок переходил к другим методам. И об этих методах я рассказывать не буду.

Всё-таки хорошо, что мне на голову надели мешок и я не видела то, что мерзавец делал с невольницами. Но зато слышала. Слышала, как он грязно матерился, слышала звук расстегивающейся ширинки, женские стоны, плачь и его дикие хрипы.

– Если ещё раз пикнешь, я снова сделаю тебе массаж! Членом по горлу.

У меня свои методы имеются, Маришка, как быстро и эффективно заткнуть непослушную шваль. Ты теперь шлюха! Скажи спасибо папочке! Ему, кстати, Гришка яйца отстрелил. За то, что с работой не справился.

Как я уже поняла, это он говорил дочке того самого Боцмана, по вине которого умерла одна из рабынь. Наверно девушка задохнулась от шока. Или её отравили наркотиком, переборщив с дозой.

Боже... Как же мне выдержать всё это?

* * *

– Шевелитесь, курвы! Быстрее, быстрее, быстрее! Мешки не снимать! Аукцион скоро начнётся! Почему так долго? Совсем страх потеряли?

Машина резко затормозила, меня отбросило на рядом сидящую девушку, столкнув нас друг с другом лбами. Снаружи послышались громкие возгласы, приглушенные лязгом металлических створок грузовика.

- Мы немного задержались. Случился кое-какой инцидент.

Кто-то схватил меня за руку и бросил в неизвестность. Я мысленно захныкала от страха, готовясь к боли, потому что предположила, что нас одну за другой просто начали выбрасывать из машины как мешки с мусором. Но меня, к счастью, поймали. И тут же впечатали лбом в холодную стену неизвестного здания, грубо приказав:

- Стоишь тут и не дёргаешься!

Пришлось подчиниться. Бежать рано. Нужно осмотреться, оценить обстановку, а потому уже попытаться подумать, как можно найти выход из сложившейся ситуации.

- Надеюсь, инцидент улажен? Башкир разозлится, ты же знаешь!

- Вполне улажен. Не переживай.

Я услышала голос Григория. И ещё один. Хриплый, прокуренный, с неприятным акцентом. Нас связали друг с другом, выстроив в единую шеренгу, как ездовых собак, запряженных в упряжку, и повели в неизвестном направлении. Сначала нас вели по улице, а затем завели в помещение. Я даже понятия не имела в каком городе, или в какой стране мы оказались. Но исходя из здешнего климата – это были тропики. Очень душно!

Турция? Египет? Или Ирак?

Нас вели по ступенькам, куда-то вниз, при этом постоянно подталкивали, шлепали по ягодицам, покрывали матами, если девушки начинали хныкать или спотыкаться. Я слышала голоса, звучавшие на иностранном. На китайском, или на тайском? Без понятия. Я в них не разбираюсь.

Вереница остановилась.

- Снять мешки! Отмыть их хорошенько и подготовить товар к продаже! – Голос Григория. Сначала на русском, затем на иностранном.

Когда с меня стянули душный пакет я принялась жадно заглатывать воздух ртом. Мы оказались в затемненном помещении, напоминающим общественную баню. Голые стены, декорированные старой, облупленной плиткой, под ногами – стоковые решётки, около стен – пластиковые лавочки, а на одной из стен – огромное панорамное стекло, оклеенное тонированной пленкой. Такое, как в тюрьме, в комнатах для допросов. Я такие в одном фильме видела.

– Девушки! Внимание! Ведите себя хорошо. За вами наблюдают очень злые дяденьки. Еслислушаетесь – вам живьём сиськи отрежут и отправят на органы.

Рабыни испуганно забились по углам. Никто из них больше не плакал. По крайней мере в голос. Их запугали как загнанных овец, перед казнью. Теперь понятно, что урод имел ввиду, когда предупреждал о том, что за нами наблюдают! Осмотревшись, я успела рассмотреть пленниц. Все они были красивые, стройные, разной национальности, разного возраста, разной внешности. Среди них я узнала своих знакомых девочек из приюта. Точнее, одну из них. В тесной комнатухе, помимо нас, пленниц, было ещё несколько мужчин. И Григорий. Облокотившись о стену, он лениво закурил, наблюдая за тем, как его подчинённые с яростью принялись разрывать на девушках одежду, сбрасывая их вещи в единую кучу.

– Осторожней там! Руки не распускать! – Грубо скомандовал главный, сделав затяжку.

До меня тоже дошла очередь. Высокорослый амбал зажал меня в углу и с силой стащил с меня платье, разорвав вещь как салфетку. Выродок угрожающе приставил нож к моей шее, растянувшись в ехидной улыбке. При виде ножа ноги подогнулись, но он не дал мне упасть на пол – крепко ухватил за волосы. Кончиком острого лезвия полоумный извращенец провёл по моему впалому животу снизу-вверх, возбужденно дыша, ноздрями втягивая запах моего страха, как одержимый наркоман при виде любимой дряни. Я обреченно закрыла глаза, попыталась проглотить острый ком ужаса, который перекрывал доступ к кислороду, готовясь почувствовать жуткую боль.

Никто не знает, что было у выродка на уме. Он лишь забавлялся. На самом деле нож ему был нужен для того, чтобы разрезать верёвки. И он это сделал. Быстро, неожиданно. Получив мизерную долю свободы, я отчаянно прикрыла руками грудь, но бандит лишь коварно улыбнулся, демонстрируя мне свои выбитые зубы. Узкоглазый, коротко стриженный бугай нерусской внешности, одной рукой

– заломил мне руки за спину, а другой – с яростью срезал лифчик. После, ещё и трусики. Так стыдно, так грязно мне ещё никогда не было. Немощной тряпкой я просто сползла вниз по стене и, спрятав лицо в ладонях, горько заплакала.

Китаец что-то буркнул на своём «нерусском», схватил меня за локоть, швырнув в остальную кучу догола раздетых девушек. На нас со всех сторон брызнули острые струи ледяной воды, вперемешку с пеной. Ублюдки приказали нам мыться. Меня накрыло. Утопило в истерике! Я голыми руками принялась царапать собственную кожу, сдирая с себя мерзкие следы прикосновений подонков. Натирала себя резко, грубо, до боли, до красноты во всём теле, а они лишь ржали, поливая несчастных девушек из шлангов, как коров в коровнике перед забоем, с жадностью рассматривая их самые откровенные места.

Григорий что-то грубо закричал на иностранном, ледяная вода сменилась горячей, а тесное помещение наполнилось плотным туманом. На этом, массовая мойка рабынь завершилась.

После купания нам выдали полотенца и халаты. Чистые, новые, пахнущие цветами. После того, как мы высушили волосы и оделись, нас, выстроив гуськом, вывели из банной и повели в неизвестном направлении.

* * *

Босые, до смерти напуганные, с опухшими от слёз глазами, мы шли по тёмному коридору в абсолютном молчании. До тех пор, пока нас не впихнули в ещё одну комнату. Более светлую, в которой пахло медикаментами и в которой за письменным столом восседал немолодой мужчина в белом халате. Исходя из общего интерьера, я поняла, что мы оказались в медицинском кабинете.

– Итак, дамочки, времени у нас мало, поэтому, в порядке очереди, проходим к нашему высокопечтенному доктору Атхиту на осмотр. Сначала на гинекологический, затем на общий, – звучно объявил Григорий, – Больно не будет! Не надо бояться! Атхит мужчина нетрадиционной ориентации. Дырки для него – всего лишь работа. – Его пошлая шутка оказалась неуместной и никого не успокоила.

Девушки запаниковали. У одной, симпатичной светловолосой блондинки, началась жуткая истерика. Она не хотела раздвигать ноги для досмотра, поэтому её просто распяли на столе. Один из бандитов загнал ей иглу от шприца под ноготь, наказывая за неподчинение. Остальные невольницы моментально притихли. В очередной раз бунт был подавлен, а у меня в очередной раз заболело сердце от ужаса.

– В следующий раз я просто отрежу тебе палец и отправлю в бордель для дешёвых шалав, а не на элитный аукцион, где вас может купить богатый дяденька-шейх! – Рыкнул Григорий, кивком приказывая обработать окровавленный палец рыдающей девушки. После чего, пленница сама залезла в смотровое кресло и широко развела ноги перед пожилым мужчиной в медицинской маске нерусской внешности. Тот, неторопливо ввёл ей в промежность гинекологическое зеркало, после чего, повернувшись к Григорию, отрицательно качнул головой.

– Я понял. Порченая, значит? Какая-то тварь уже успела втащить! Суки! Всё равно узнаю! В документах она должна быть нетронутой! И что теперь делать? Башкир нас всех на консервы пустит!

– Зашить. – Выдал идею один из бандюганов.

– Зашить?! – Перекривлял главный сутенёр. – Чёртовы ублюдки! Кастрирую всех на хрен!

Затем, снова к гинекологу обратился. На тайском. В ответ тот лишь вяло пожал плечами, кивнул, буркнув нечто невнятное. Охранники быстро засуетились и также быстро огородили переносной ширмой кресло, на котором, подергиваясь от испуга, с широко разведёнными ногами лежала светловолосая девушка.

– Подержите её! Может есть у кого верёвка?

– У меня есть ремень.

– И у меня тоже! – Отозвались подельники.

– Отлично. Тогда ноги ей свяжите, чтобы не дёргалась.

– Так может «сахарку» вколоть?

– Идиот! Башкир ведь узнает! Она не должна выглядеть как сова под утро! Он должен видеть её естественной! – Огрызнулся главный, хрустнув костяшками пальцев.

– Понятно, кэп.

– Итак, милые дамы! – Григорий вышел в центр кабинета. – Всем оставаться на своих местах. Десять минут, и мы двигаемся дальше. Хочу напомнить, что сейчас вы сами управляете своим будущим. Если будете послушными – вас купит какой-нибудь обеспеченный красавчик-миллиардер. А если ещё и будете умными – то всю жизнь проживёте в Раю. Да кто вы вообще такие? – Взгляд на меня, тело колотит от его чёрных, бездушных зрачков. – Нищенки, оборванки, безродное отребье! Да с вами как с собаками обращались! Не так ли? – Несколько девушек утвердительно закивали. – Вы никто! Сейчас вы никто... По документам вы уже трупы. Никто вас не будет оплакивать. Мамочек и папочек нет, или они конченные наркоманы с пожизненным стажем. А ведь у вас есть шанс стать кем-то! И если вы ублажите вашего нового хозяина, будете мудрыми, покладистыми женщинами – вас ожидает успех! Тонны денег, шикарная одежда, дорогие тачки, роскошная жизнь! Кто так считает, поднимите руку!

Девять человек согласились с его фальшью. Те девушки, которые подняли руки, больше не плакали. Их лица заметно преобразились, слёзы высохли, а в глазах появилась наивная надежда.

– Отлично. – Григорий довольно хлопнул в ладоши.

Он врал! Сейчас мужчина был без своих стильных очков, поэтому я видела каждую его лживую эмоцию. У сутенёра подёргивался левый глаз, да и нос постоянно чесался.

Наивные, глупые дурочки! Никто не подхватит вас на руки и не унесёт в красивую жизнь. Так не бывает. Только не в нашем беспощадном мире, где власть принадлежит деньгами и таким вот бессердечным уродам, вроде Григория. Ложь! Грязная, жестокая ложь!

За ширмой послышалась возня. Та бедняжка, которую привязали к креслу, застонала. Захрипели и охранники, переговариваясь между собой на повышенных тонах. Там, за тканевой завесой, проходила мини-операция. Бедную девушку вновь превращали в девочку.

Глава 5

Осмотр я выдержала. Слава богу прошёл он быстро. Диагноз – абсолютно здорова.

– Венерической сыпи на теле не обнаружено и вшей, к счастью, тоже, – радостно перевёл мне с тайского Григорий.

Я не собака! Я человек. Я личность! У которой в груди бьётся сердце. Оно болит. Оно чувствует. Оно рвётся на части! Но вам не понять. Вы все давно уже сгнили изнутри, одержимые насилием и деньгами.

После осмотра нас ожидало знакомство с теми, кто заявил на нас свои права. С господином Башкировым – хозяином притона, владельцем невольничьего бизнеса.

Нас завели в неизвестную мне комнату, выстроив по росту в единую шеренгу. Здесь было невыносимо душно, накурено, неудобно. Впрочем, как и во всём доме. Для меня до сих пор оставалось загадкой в какой именно стране мы находимся. Либо Китай, либо Таиланд.

Интерьер в накуренном зале заметно отличался своей роскошью. Я даже рот приоткрыла от необычного царского стиля: дорогая винтажная мебель, интерьер преимущественно в тёмных тонах, под моими босыми ногами – идеально чистый ковёр с диковинным узором, над головой – большая хрустальная люстра. Я таких сказочных апартаментов никогда в жизни не видела. Всё было бы идеально, если бы не ОНИ. Трое незнакомых мужчин. Больше похожих на жирных кабанов, нежели на людей, на чьи мясистые туши натянули смокинги от «Armani».

– Почему так долго? У нас теперь большая задержка по времени! – Захрипел один из «кабанов». Самый жирный и самый страшный. С тройным подбородком, свиную шею которого перетягивала золотая цепочка весом в полтонны.

– Прошу прощения, Господин Башкиров. Машина в дороге сломалась, – Григорий преданно поклонился, невольно заикнувшись.

Врал он очень убедительно. Впрочем, ему не привыкать. Эти «Господины», деловито расположившись за огромным столом из красного дерева, беззаботно играли в карты, распивали спиртное и покуривали тяжёлые, импортные сигары.

– Время деньги, ты же знаешь.

– Понял, понял, дорогой! Как скажешь...

– Вот и поговорили, – хмыкнул главный свин, – вместо обещанной суммы, ты получишь лишь пятьдесят процентов.

– Как скажете. – С хрустом сжал кулак.

Мне показалось, что Григорий сейчас разрыдается от отчаяния, а затем от злости кого-нибудь застрелит.

– Ну давай, чего встал как истукан! Показывай свой холёный товар.

– Мы уже успели немного оценить, там, во время мойки. Ничего такие дырочки. Но не идеал! Бывали и лучше. – Отчеканил другой мужчина, делая глубокую затяжку.

Сволочи! Не дырочки, а девушки. Мы личности, мы люди! А не куклы бездушные... Теперь понятно, для чего тонированное стекло в душевой, как в тюрьме. Чтобы глазеть на моющихся рабынь.

– Эти тоже хороши. Вот, зацените! – Григорий демонстративно схватил одну из рабынь и с силой рванул на ней халат.

– Ну, Господа, айда оценивать! – Башкиров радостно потёр сальные ладони друг о друга.

Мужчины в роскошных костюмах принялись пристально рассматривать голое тело невольницы, перешептываясь между собой. Каждый из них по очереди трогал её грудь, пощипывал за соски, совал руки между ног, лапал ягодички. Девушка, стиснув зубы, крепко зажмурил глаза, послушно терпела их надругательства, вероятно, прокручивая в уме лживые слова Григория о «роскошной жизни».

– Ни чё такая цацка. Пойдёт! Этой надень браслет на «десятку». Она ещё целая?

– Целая, целая! И послушная! – Григорий кивнул и быстро нацепил рабыне на запястье красную ленту, с «номером 10». Позже я узнала, что это значит – стартовая цена. Десять тысяч долларов. Высший сорт.

– Отлично. Увести, приодеть и выставить через час на торги! – Приказал Башкиров.

Девушка облегчённо выдохнула, когда один из охранников быстро вывел её прочь из комнаты.

– Следующая!

Дальше они раздевали всех девушек по очереди. Щупали, трогали, заглядывали в рот, нюхали волосы, наклоняли как кукол неваляшек вперёд-назад, влево-вправо, укладывали на стол, широко разводили ноги, проверяя на наличие гибкости. Нас не воспринимали как людей. Нас принимали за животных. За скот. Или за вещи. У которых не было ни чувств, ни сердца, ни души.

Они осматривали девушек по очереди. Одну за другой, одну за другой. Награждая бирками, словно ценниками, как товар на рынке, пока в помещении не осталось три девушки, включая меня. Один урод всё же не сдержался. Схватил за волосы молодую блондинку и разложил её на столе, принявшись одичало расстёгивать ширинку на брендовых брюках, выкроенных как на слона.

– Эй, Каминский! Ты что задумал? – Рыкнул главный мафиози.

– Не кипятись, брат! Не целка ведь! Грех не воспользоваться. Чёрт я люблю свою работу!

Ублюдок взял девушку в нашем присутствии. Забросил её тощие ноги к себе на плечи и жёстко отжарил, никого не стесняясь. Вероятно, был пьян. Или находился под действием наркотиков. Я отвернулась и закрыла уши ладошками, чтобы не слышать её плача, не видеть её слёз и не слышать стонов невменяемого монстра.

Когда всё закончилось, они разложили и меня на том грёбаном столе, запачканном белым порошком, пеплом от сигарет и липкой спермой. Жирные, уродливые с больным, наполненным бешенством взглядом, они уставились на меня как голодные шакалы на кусок нежного мяса. От них несло алкоголем и сигаретами, а их чёрные зрачки, в которых не было ни капли жалости, были расширены до предела и почти полностью занимали радужку. Тогда я не выдержала. Перестала себя контролировать. Вцепилась одному ублюдку ногтями в рожу, намереваясь выцарапать глаза этой мерзкой скотине, но его друг вовремя успел дёрнуть меня за волосы.

– Сука! Это что ещё за бешеная кошка? Я думал мы договорились, что вы доставите нам покладистых шлюх! Покорных! А у этой что? Вагина что ли золотая? – Она немая! – Григорий попытался оправдаться, чтобы сохранить свою задницу в целостности и сохранности.

– Ну ясно. Ладно, оставляем. Богатенькие извращенцы любят неполноценных. Их это заводит. А значит... – Значит спрос на её дырку утроится! – Гоготнул один из товарищей.

– Точно! Особенно если она ещё плёночная. – Остроумно добавил господин Башкиров. – Она девственница.

Они ещё немного посмеялись, а затем улыбка с лица главной мрази резко испарилась.

– Ладно, хватит веселиться. Пора заняться бизнесом. Через несколько минут начинаем аукцион. Эту, – тряхнул за волосы, – причесать, накрасить, приодеть. Красивая, сучка, но дерзкая! Впрочем... попробую её Махмуду толкнуть. Он любит синеглазых русских нимфеток. А ещё любит пожестче. Тот ещё

извращенец психованный. Ах-ха! – заржал так дико, что слюни в разные стороны полетели, забрызгав моё лицо, – Самым непослушным вколи «похуин». Двойную дозу. Этой только половину. Чтобы на сцене выглядела естественной. Всё, Григорий, вали давай! Не опаздывайте.

Меня дико трусило. Набросив халат на моё бледное тело, Григорий быстро повёл меня прочь из комнаты, послушно исполняя приказ главных мерзавцев.

Первым делом, он вколол мне в шею какой-то жгучий препарат, от которого сначала было больно, а затем вдруг стало хорошо. Мне казалось, что у меня выросли крылья и я превратилась в бабочку, а окружающий мир – в сказку. Меня нарядили в уродливое полупрозрачное платье с блёстками, словно рождественскую ёлку, красиво уложили волосы, превратив пряди в пышные волны, накрутив локоны на плойку. В ноги швырнули туфли на тонкой шпильке, на которых можно было бы с лёгкостью убиться, переломав себе ноги. Заставили надеть. Но размер не подошёл. Тогда толстокожие бараны вышвырнули меня на сцену босой. Макияж лёгкий, ненавязчивый... Кроме ресниц. Их мне наклеили, сделав из меня живую куклу. Послушную, благодаря препарату. Я плавала где-то далеко-далеко, в другом измерении. Улыбалась. Ловила разноцветных светлячков и смеялась.

Пять минут, и вот я уже стою перед огромными портьерами, с предвкушением выйти на «большую сцену». Как будто я звезда, которая готовится к первому в её жизни дебюту. Там, за кулисами, полным ходом шло веселье: брэнчала громкая музыка, смешанная с возбуждённым хохотом, хриплые голоса, звучащие на абсолютно разных языках, восторженные овации и глумливый свист. И под весь этот гадливый оркестр девушек-невольниц небольшими партиями выводили на сцену. А когда настала моя очередь – я моментально протрезвела.

Меня выволокли на сцену с последней партией, состоящей из пяти рабынь. Все девушки были по-своему уникальные: стройные, нарядно одетые, с яркой, интересной внешностью. Косметика и вульгарная одежда творила чудеса, поэтому невольниц быстро разбирали. Как ёлочную мишуру перед Новым годом.

Когда я вышла на трибуну, у меня тут же ноги от страха подкосились, голова панически закружилась, а дышать стало невыносимо трудно. Там было очень много людей. Разной национальности, разного пола, веса, цвета кожи, ориентации. Это меня насторожило. Выглядели они отвратительно. Они без конца что-то кричали, аплодировали и вели себя некультурно, как для сливок

общества. Кто-то свистел, кто-то матерился, а кто-то на радостях чесал свои набухшие ширинки. Возможно, им в шампанское, как и мне, подсыпали наркотическую дрянь.

В зале было темно. Над головой сияли зеркальные шары, мигали софиты, вращались разноцветные прожекторы. Я прищурилась, пытаюсь рассмотреть публику получше, как вдруг, увидела ЕГО. Безумно привлекательного мужчину. Один взгляд на незнакомца – и я таю, будто сахар в кипятке.

Кто он? Как его имя? Из какой страны? Вероятно, русский.

Тысяча вопросов мигом вскружило голову. Но как оказалось, этот красивый мужчина славянской внешности был один в зале. Остальные, отрастившие пузо и третьи подбородки «клиенты», являлись типичными иностранцами.

Я смотрела на него с жалостью, с мольбой, как на последний глоток воздуха в открытом космосе, как на последнюю каплю воды в засушливой пустыне, как на единственную надежду на спасение, а по моим щекам крупными бусинами скользили слёзы.

Одними губами прошептала:

«Спа-си... Про-шу...»

И всё время смотрела на него. Не моргая, задержав дыхание. Смотрела и молилась. Молилась богу, дьяволу, Ангелу-хранителю, Будде и ещё чёрт знает кому! Потому что боялась. До смерти боялась стать чей-то безвольной куклой, бездушной игрушкой, грушей для битья, шлюхой, или просто куском разделочного мяса.

Я смотрела на него. Он – на меня. Ни единой эмоции. Пустой и холодный взгляд. Абсолютное безразличие. Ни одна жилка не дрогнула на его холёном лице миллиардера. Мужчина сидел в первом ряду, в местах для VIP клиентов, широко расставив ноги в окружении полуголых азиаток, которые массировали ему плечи, подавали напитки и даже одна из них, стоя на коленях, натирала ему обувь голыми руками. ГОЛЫМИ РУКАМИ!

Незнакомец поднял на меня свои большие, выразительные глаза, слегка нахмурил лоб, подпёр подбородок ладонью, призадумался.

Интересно, о чём он думает? Может все-таки купит? Пускай! Пускай это будет он! К нему хочу! К нему...

Я ещё раз прошептала одними губами:

«Спа-си... ме-ня...»

Но он никак не реагировал. Голос ведущего вернул меня в жестокую реальность. Всех девушек из моей партии продали. Осталась только я. Последняя.

* * *

– Итак, дамы и господа! Последний лот! Обворожительная, восхитительная, синеглазая конфетка, наша юная девственница Алина! Или можно просто Лина. Стартовая цена десять тысяч зелененьких! Начинаем. Кто же даст больше?

– Пятнадцать!

– Двадцать!

– Двадцать пять!

– Тридцать!

Посыпалось со всех сторон.

С ума сойти. Меня правда продают как вещь.

– Ну же! Кто даст больше? У этой крошки есть две изюминки! Первая – она всё ещё непорченная, свежая куколка, а вторая – малышка немая! Представляете? Какая удача! Послушная, молчаливая девственница! Кто даст больше пятидесяти? – Разогревал публику ряженный клоун в белом смокинге.

Он говорил на английском. Поэтому я понимала его с трудом.

- Шестьдесят!

- Семьдесят!

- О-о-о, вот это азарт! Торопитесь! И уже совсем скоро сможете опробовать вкусную конфетку!

Ведущий вращал меня вокруг своей оси, как юлу, задирали юбку до пупка, наклонял взад-вперёд как пластилиновую фигурку, пытаюсь завести публику, раскрутить богатеньких олигархов на денежки. В конце концов сумма дошла до такого баснословного порога, что сердце в моей груди на несколько секунд превратилось в кусок гранита и перестало биться.

- Восемьдесят!

- Девяносто!

В игре осталось двое мужчин. Один – темнокожий мавр в красных шелках, а другой – самоуверенный араб в белой дишдаше. А тот красивый мужчина славянской внешности по-прежнему молчал. Просто смотрел и просто молчал, взирая на меня как на цирковую зверушку. Собачонку в блестящей юбчонке, которую вывели развлекать своими плясками богатеньких детишек.

Бездушные животные... они ещё очень долго сражались за право распоряжаться чужой жизнью, с азартом, поднимали цену всё выше и выше, демонстрируя всем присутствующим, кто из них круче, у кого больше власти и денег. С каждой новой цифрой свиные глазки ведущего лезли из орбит. Когда торги дошли до полмиллиона долларов, мерзавец будто получил эмоциональный оргазм.

- Пятьсот тысяч раз, пятьсот тысяч два, пятьсот тысяч триииии!

Удар молотка. Звон в ушах, тьма в глазах...

- Продано господину Мухамеду! Поздравляем!

И шумные, восторженные овации.

– Вашу покупку доставят в ваш номер через пять минут. И это новый рекорд, сегодняшнего аукциона, господа! Пятьсот тысяч долларов! Не кисло, правда ведь?

Я умерла. Душой и телом. Мужчина из VIP зоны просто встал со своего места и просто ушёл. Он бросил меня. Ему наплевать. Как и всем остальным здешним обезьянам.

Меня схватили под руки и потащили. Сначала со цены, затем по лестнице вниз и засунули в лифт. А я болталась как желе. Безрукое, да безногое желе. Первым делом, охранники затолкали меня в гримерку, в которой меня привели в порядок и надушили духами. Сама я была не в состоянии передвигать ногами. Мне захотелось украсть у кого-нибудь из амбалов пистолет и выстрелить себе в сердце! Потому что тот мужчина араб... его внешность была настолько отвратительной, что я бы лучше переспала с бомжом на теплотрассе, чем с ним. Особенно, отвратительными были его чёрные глаза. В них не было ничего святого. Ядовитыми кобрами в них клубилось сплошное, одержимое безумие. А ещё ненависть и неуравновешенность.

Через несколько секунд меня затолкали в одну из VIP комнат, расположенную на верхнем этаже здания. Это был гостиничный номер-люкс. Шикарный. Как и всё в этом проклятом музее разрушенных надежд и бесконечной боли.

Охранники посадили меня на стул и, не обращая внимания на безмолвные слёзы, крепко привязали меня к стулу шёлковой лентой, а на голову нацепили бант. Такой, каким обычно украшают упаковки для подарков. Пригрозив пистолетом, выродки быстро удалились.

Осмотревшись, в противоположном углу я увидела ещё одну девушку. С белыми, как снег волосами. Также связанную по рукам и ногам, с красным бантом в волосах. Она сидела молча, будто статуя, и смотрела в одну точку. Наверно, её уже обкололи дрянью. Получается, монстр в белоснежной дишдаше купил двоих. Господи! Что же мне делать?

Через несколько минут в холле слышались хриплые голоса, топот и обрывки фраз, сказанных на арабском языке. Парадная дверь беззвучно отворилась, на

пороге появилось ОНО. Это бездушное, отвратительное создание с одержимым оскалом на губах.

Моё сердце стучало через раз. Ледяная дрожь хлестала по спине хуже кнута. Дверь за арабом захлопнулась. Мы остались одни. Смерть пришла за мной.

Глава 6

– Вах, вах! Какие конфэтка! – Захрипел на ломаном русском араб и, первым делом, подошёл к той девушке с белыми волосами, пощупал, потрогал, сорвал бант. А затем подошёл и ко мне. – Красоткэ! Меня звать Хозяин. Вы слушаться и делать то, что приказать! Иначе будет очень больно!

Я сжалась в судорожный комок, когда его шершавые руки коснулись моего лица. Он резко схватил меня за скулы, больно надавив указательным и средним пальцем на ямочки на щеках.

– Идеальная игрушка! Сегодня Мухамед ибн Рашит сделать тебя женщиной! Отыметь на славу!

Мерзавец резко сорвал с меня ленту, настолько резко, что острая ткань, как лезвие, насквозь порезало кожу, оставляя уродливы шрамы. Шрамы боли и страданий. На всю жизнь... Схватив меня за волосы, монстр, демонстрируя власть, со всей силы швырнул меня на кровать. Но я до неё не долетела. Упала на пол, приложившись лбом к деревянному бортику, и тут же рефлекторно скрутилась в позу эмбриона. Прикусив язык до привкуса крови, я беззвучно зарыдала. Ужасно чувствовать себя насекомым. Когда ты ничего... абсолютно ничего не можешь сделать! Кроме как терпеть. Стиснув зубы, терпеть до адской боли. Ублюдок ещё толком ничего не сделал. А меня там, в душе, будто живьём резали кинжалами, отрезая кусок за куском, кусок за куском! Без анестезии.

Араб брезгливо пнул меня в бок остроносым ботинком, недовольно хмыкнув:

– Какая слабая! Долго не протянуть!

Он крутанулся вокруг своей оси и направился ко второй рабыне, проделав тоже самое. Вот только швырнул он её не на кровать, а на пол, решив поиметь прямо там.

– Начать, пожалуй, с тебя, снежинка! Лежать смирно! Сейчас Махмуд будет тебя трахать!

Он начал разрывать одежду на своей беспомощной жертве и вытворять с девушкой разные извращённые, наполненные страшной жестокостью вещи. Я старалась не смотреть... Отвернулась, забила под кровать, заткнула уши, попыталась подумать о чём-то добром, светлом, о чуде, которое вот-вот произойдёт. Например, о том, что прямо сейчас, разбив окно, к нам вломится отряд спецназа и мои ужасы закончатся.

Но ничего не происходило.

Пять минут.

Десять.

Двадцать...

Лишь адские стоны невольницы и нечеловеческие крики араба. Он брал её на полу, на тумбе, на столе, в кресле. В разных позах, с разной силой. Он был болен. Неуравновешенный, жестокий психопат! Теперь я поняла значение слов Башкира. Тогда, во время смотрин.

Девушка протяжно закричала, как будто с неё кожу живьём срезали. Я на секунду выглянула из «укрытия». Бесчеловечный изверг связал её избитое до синяков тело кожаными ремнями и повесил к потолку в позе эмбриона. Араб брал девушку в таком извращённом положении, до тех пор, пока бедняжка не замолчала. Выродок вбивался в её вялое тело, испытывая при этом мощнейший экстаз. Периодически монстр бил её плетью. По спине, по ягодицам и даже по лицу.

Садист, дьявол, убийца!

Закончив с блондинкой, Мухамед переключился на меня.

– Кажется сдохла, ма?ра! (пер. сучка) Что за дрянь они мне подсунуть! И часа не подержаться! – Завопил он, схватил плеть и быстро зашагал ко мне.

Я запаниковала, отчаянно зарыдала, готовясь к боли, к смерти, к адским мукам, как вдруг... в дверь постучали. Оказывается, это принесли еду и напитки для Господина в качестве комплимента от заведения. Начальство велело передать клиенту набор игрушек для сексуального развлечения. Эти «игрушки» не выглядели как игрушки, а напоминали инструменты для разделки скота.

Мерзавец лишь успел схватить меня за щиколотки, вытащить из-под кровати, оторвать кусок платья на плече, но его прервали. Набросив халат на потное, обросшее густой растительностью тело, араб недовольно выругался на своём языке и поспешил к двери, пригрозив мне шокером, мол если дёрнусь – в шашлык превратит.

Но мне уже было всё равно. Господь дал мне шанс. И если сейчас я им не воспользуюсь... после будет уже поздно. Я быстро вскочила с пола, схватила рядом стоящую вазу, и также быстро вернулась на прежнее место. Когда ублюдок вернулся, когда он снова приблизился ко мне, я, сделав глубокий выдох, ловко развернулась и со всей силы ударила изверга вазой по голове. Керамическая вещь разбилась, оставляя уродливые раны на голове араба. Не раздумывая, я выскочила за дверь, устремившись прочь.

– Коссо?мак! Элиф аир аб тизак!

(пер. Блять! Сто хуёв тебе в жопу!)

– Ани?как, нико?мак!

(пер. Я тебя выебу, твою ж мать!)

Господи! Что же я наделала... Разозлила монстра ещё больше.

Отсюда ведь невозможно выбраться.

* * *

Араб упал на ковёр, судорожно закрыл лицо руками, протяжно завопил, поливая меня отборным матом. Но я и десяти метров пробежать не успела, нелюдь меня догнал. Видимо, недостаточно сильно ударила. Монстр оказался бессмертным.

Я бежала по длинному тёмному коридору неведь куда. Постоянно спотыкалась, билась ногами об острые углы на поворотах, пока не выбежала на более-менее просторную площадь. На лестницу. Я звала на помощь, рыдала, махала руками... но разве это возможно? У меня нет голоса. Я ничто. Я рыдала до такой степени, что почти ослепла от слёз и даже упала, не заметив дурацкий стол, больно ударившись ногой о его острый край. Араб набросился на меня сверху и первое, что он сделал, – с маху ударил ногой в живот. Я начала задыхаться, думая, что он насквозь пробил мне легкие. Насильник схватил меня за волосы, ударил по лицу. Несколько раз. Разбивая губы в кровь. Дальше я видела размытый туман, а моё тело будто скрутило жгучим огнём, выжигая все внутренние органы дотла.

Я горела живьём... Задыхаясь от боли. Душевной и телесной. Ублюдок с силой швырнул меня на стол, не обращая внимания на хрустальную статуэтку, которая упала на пол и разбилась под моими босыми ногами. Он грубо задрал мне платье, практически до шеи, и жадно вцепился в трусики, крикнув какое-то непонятно слово:

– Зарба?! Уисха шармута!

(пер. Дерьмо! Грязная шлюха!)

Я больше не сопротивлялась. Затолкала в рот кулак и рыдала, корчась от боли и унижения, чувствуя, как его шершавые пальцы щупают мои бёдра, шлёпают по ягодицам и уверенно направляются к ещё нетронутой промежности.

– Какая же ты сладкий, дево?чка шармута! – Боковым зрением я вижу, как он вырывает из брюк ремень, замахивается, собираясь полоснуть меня по спине металлической пряжкой.

– Меня это заводит! Твой дерзкий характер!

Я закрываю глаза, готовясь к очередным болевым спазмам.

Как вдруг... Я слышу хруст, глухой удар, словно нечто тяжёлое врезается в стену. А затем, истерическую ругань араба.

- Вставай. - В шаге от моего распластанного на полу тела звучит незнакомый голос, наполненный холодом, властью и ноткой высокомерия. У меня от этого голоса сердцебиение в разы ускоряется, а дыхание, наоборот, замедляется.

Я распахиваю глаза и сквозь размытую пелену вижу ЕГО. Того самого красивого мужчину в шикарном смокинге, цвета горького шоколада.

- Какого Аллаха ты творить? Ты мне блять руку сломаааать!

- Сколько ты хочешь?

- В смысле?

- За девчонку. - Холодно чеканит мой спаситель, а у меня ледяные мурашки по спине океанскими волнами накатывают.

- Она не продаваться! - Рычит насильник, поднимаясь с пола. Красный как рак и озлобленный до пены на губах, он трусливо дрожит, покрываясь липкой испариной, прижимая к груди правую руку. - Я купить девку как законную собственность!

- Советую хорошо подумать, Мухамед, прежде чем отказывать. МНЕ отказывать.

Через долю секунды на шум сбежались люди - советники шейха. Они помогли ублюдку подняться и стали перешептываться друг с другом. Как будто уговаривали. Пять секунд, араб вдруг отвечает:

- Хорошо. Забирать эту дикую суку себе! Бесплатно.

- Это что лезть? - Его идеальные брови выгнулись дугой, а в глазах, цвета редкого авантюрина, полыхнули огненные искры.

– Н-нет. – Мерзавец явно нервничал. Но его советники, вместе с охраной, ещё больше.

– Я не собираюсь быть чьим-то должником. И зад мне лизать не стоит. Даю в два раза больше себестоимости. – Вытаскивает из кармана чековую книжку, чиркает золотой ручкой по бумаге, вырывает лист, небрежно комкает в кулаке и швыряет шейху в лицо.

Тот морщится, кривится, но не нападает. Не нападают и его преданные шакалы.

Вот это да! Да кто он чёрт возьми такой? Этот красивый, бесстрашный мужчина с изумительными глазами, цвета мерцающего авантюрина? И почему его все боятся? Сам шейх! В компании тучных мужланов, вооружённых до самых зубов, которые дрожат словно новорожденные щенки от одного лишь мимолётного взгляда загадочного незнакомца в их сторону.

Несколько секунд Мухамед молчит, топчется на месте, а затем, отвечает.

Неуверенно, с ноткой боязни:

– Д-договорились.

После чего, вместе со свитой, отправляется обратно в покои.

Когда мерзавцы скрылись из вида, мужчина обернулся ко мне лицом, подошел ближе и присел рядом на корточки. До этого он будто закрывал меня собой. Своей широкой, массивной спиной-стеной. Закрывал от этого одержимого монстра. От всех бед, от бездушных унижений, от бесконечной боли! Когда я его увидела, у меня чуть было душа не разорвалась от радости. Это был как глоток воздуха в холодном океане, когда я камнем падала на дно, когда думаешь, что это всё. Конец... Жизнь закончилась. А смерть уже тянет к тебе своим тощие, костлявые клешни, утаскивая за собой в мир тьмы и хаоса.

Настоящее чудо! Небеса все-таки услышали мои скудные молитвы.

Незнакомец одним ловким движением снял свой пиджак и быстро набросил на моё тощее тело, недовольно глянув на разбитую губу, с которой тонким

ручейком стекала кровь, и на разбухший синяк на скуле.

Поморщился. Но ничего не сказал. Хотя по глазам было видно, что он находится на грани бешенства. Сдерживается.

Господин властно схватил меня за руку, рванул на себя, увлекая в неизвестность.

* * *

Когда мы спускались по лестнице, я вспомнила, как свита шейха ещё очень долго о чём-то спорила, метая в наши спины острые взгляды ненависти. Потом уже я поняла, что они не хотели переходить дорогу опасному человеку. Он мог за одну лишь минуту превратить их бизнес в ничтожную пыль.

Босая, жалкая я бежала за ним как брошенная на произвол судьбы собака, одной рукой – ухватившись за край его модельного пиджака, другой – придерживая пульсирующую огнём рану на животе. Этот ублюдок, похоже, сломал мне ребро. Неплохо так ботинком приложился! Ощущения такие, будто он бензопилой прошёлся моему по животу, превращая все внутренние органы в мелкий фарш.

Миновав лестницу, мы оказались в коридоре, по которому вышли в новое крыло. Интерьер там был ещё более роскошным, чем то, что я видела раньше.

Мужчина остановился. А я... я неуклюже впечаталась лбом в его твёрдую спину. Коснувшись безупречного тела, я получила сумасшедший разряд в тысячу вольт. Запах дорогого парфюма вскружил голову. Он резко развернулся, а я также резко отскочила назад, затылком вписавшись в бетонную стену. Места в проходе было предостаточно, но в этот напряжённый миг меня будто засунули в тесную коробку. А он... он буквально поглотил собой всё имеющееся пространство, включая кислород. Упёрся руками в стену по обе стороны от моей головы, склонившись на опасно близкое расстояние.

– Откуда ты? – Немедленно потребовал.

Но я застыла будто парализованная. Не моргала, не дышала.

От его исключительного и такого приятного запаха в голове всё закружилось диким вихрем. Этот мужчина был очень красивым. Безумно красивым! Я никогда даже не думала, что подобные мужчины существуют в нашем мире. Он стал для меня кем-то из мира фантазий... Богом... Красоты, власти, величия.

Сначала я испугалась и опешила, потому что думала, что у меня на фоне нервного истощения разыгрались галлюцинации, потому что прежде я никогда не видела НАСТОЛЬКО идеальных людей. Мне до безумия захотелось потрогать его изумительное лицо, его острый, самоуверенный подбородок с лёгкой щетиной, провести кончикам пальцев по полным бледно-розовым губам, повторяя их контур, запустить пальцы в шелковистые, уложенные, волосок к волоску волосы, от которых приятно пахло, чтобы действительно убедиться в том, что он реальный.

Но разве я имею на это право? Своими грязными руками я лишь замараю изысканный шёлк брендового смокинга. На его одежде негде пылинки упасть... И тут я вдруг объявилась – безродная голодранка. Ещё и калека. Губу раскатала, оборванка-беспризорница! Стоит ему только пальцами щёлкнуть... и всё. Меня больше нет на этом свете.

– Ну, чего молчишь?

Зарычал. Уже грубее.

Но я блин... Я, кажется, впала в какую-то сумасшедшую фрустрацию. Мне казалось передо мной стоит сам Бог.

– Я ненавижу повторять несколько раз. Он тебя что, по голове треснул? – Мощный удар кулаками по бетону, и я зажмуриваюсь, беззвучно всхлипнув от страха. – Ты как вообще, вменяемая?

Да! Да! Да!

Да я, чёрт подери, вменяемая!

Но с изъянами.

В голосе.

Я отрицательно качнула головой, дрожащими руками попыталась ответить на языке жестов. Куда там! Мои руки возомнили себя сто килограммовыми гантелями. И пикнуть не успела, как мужчина вдруг схватил меня за плечи, оторвал от пола и хорошенько встряхнул.

– И откуда ты только такая на мою голову свалилась?! Ходячая катастрофа...

Наши глаза теперь были на одном уровне. Его авантюриновые, как бриллиантовый песок, и мои – тёмно-синие, как слеза океана.

Обеими руками я отчаянно вцепилась в его плечи и попыталась выдавить хоть какой-либо звук, потому что мужчина делал мне больно. Я начинала задыхаться от его звериной хватки на моём хрупком теле, от его безумной энергетике и от горячего, наполненного бешенством дыхания, которое обжигало мне лицо, шею... и, особенно, губы.

Бизнесмен хищно прищурился, пытаюсь понять, что со мной не так. Я кое-как оторвалась от крепких плеч спасителя, жестами принялась объяснять, что я немая. Если бы в этот момент у нас за спиной не раздались шаги, я бы задохнулась от удушья.

– Господин, вот, информация по лоту номер семь, как просили. – К нам подошёл высокий мужчина в чёрном костюме с гарнитурой в левом ухе, тут же протянул некую папку в кожаном переплётё. – Здесь указано, что девчонка немая. Именно поэтому на неё был такой спрос.

– Ублюдки... – Мой спаситель сказал это беззвучно, одними губами, но я успела прочитать. Маска из льда и холода на его стальном лице моментально растаяла. Взгляд потеплел. Хватка в области шеи ослабла. Там, в авантюриновых омутах блеснуло нечто, схожее с сочувствием. Но ярость всё-таки доминировала.

Одним резким рывком бизнесмен прижал моё тощее тело к своей мощной груди, тем самым демонстрируя всем, что он перегнул палку.

– Пора собирать чемоданы. Мы уезжаем. Немедленно. – Прошипел и на пол поставил. Руку с талии убирать не стал.

Его прикосновения – это как удар раскалённой сковородой по пояснице. До волдырей на коже.

– Как прикажете, Дмитрий.

Дмитрий?

Вот, оказывается, как его зовут моего Ангела-хранителя.

Глава 7

Дмитрий приложил золотую карту к датчику, установленному на двери гостиничного номера, дождался сигнала, оповещающего об открытии замка и, властно сжав мой локоть, затащил в комнату.

– На кровать. – Холодно сказал. Точнее, не сказал, а приказал.

Видать возжелал потребовать возмещение материальных трат.

Зачем я ему? Только сейчас я вдруг осознала, что незнакомец спустил на меня, жалкую, безродную вещь, целое состояние.

– Снимай платье. И сам начал раздеваться, абсолютно не стесняясь моего присутствия.

Сначала сорвал с шеи бабочку, затем рубашку, оставшись в штанах.

Мне моментально поплохело... У него красивая спина. И грудь. И пресс... И кожа. Гладкая такая, загорелая, в отличии от моей... Моя – белая как мел, а его – совершенная, как элитный молочный шоколад.

Чёрт! Зачем он это делает...

Смутившись, я быстро прикрыла глаза ладонями, услышав ехидный смешок.

– Ложись.

К-как это? К-как это понимать? Сбежала от одного урода, чтобы попасть в когти к другому? Вот только Дмитрия никак нельзя назвать уродом. Возможно, если только внутренним.

Прежде, чем я успела что-либо сообразить, он резко толкнул меня на кровать. Я шлёпнулась на спину, утопая в мягкой пелене подушек. Не дожидаясь беспрекословного подчинения, Дмитрий рывком задрал моё платье до самой груди. Ох... У меня душа в пятки упала, адреналин плавил кровь, превращая алую жидкость в вулканическую лаву, а зрачки расширились как у испуганной кошки.

Секунда. Хриплый мужской выдох. И его утонченные пальцы осторожно коснулись посиневшей кожи в районе пульсирующего болью ребра. Я дернулась, поморщилась. Больно! – Грёбанный выродок! Хорошо он тебя отделал. Потерпи немного.

Дмитрий встал с кровати, вышел из комнаты. Через полминуты вернулся с аптечкой и ведром для шампанского, наполненным льдом. Взял свою рубашку, высыпал содержимое ведра в ткань, соорудив нечто, похожее на мешочек.

Когда он приложил к моему животу лёд, завернутый в собственную рубашку, я даже не шелохнулась. Моя кожа в районе пупка дымилась от смущения, покрываясь пунцовыми пятнами стыда.

– Не холодно? – Судорожно сглотнул, застывая взглядом на ажурном белье, цвета перламутра, которое натянули на меня сутенёры.

Отрицательно качнула головой.

Я кожей чувствовала, бешеную энергию его скрытого желания, его уверенный, властный взгляд, и эту невероятную силу превосходства в прикосновениях.

Идеально очерченные мускулы на безупречном теле дёрнулись от напряжения, превращаясь в мрамор, а лоб покрылся испариной. Но лицо по-прежнему сковала маска хладнокровия.

Около минуты Дмитрий занимался раной на животе, прикладывая лёд, обрабатывая место побоев мазью, а затем переключился на лицо. – Будет неприятно. – Шепнул он, нависая надо мной мощной горой, глядя глаза в глаза.

Какие нежные у него руки. Как шёлк. Воображение уже всюду рисовало картину, как он этими руками трогает меня везде. Очень бережно мужчина начал касаться платком, смоченным в антисептике, разбитой губы. Время остановилось. Земля прекратила вращаться вокруг своей оси, меня будто выбросило в открытый космос, когда его сильные руки трепетно ласкали моё, искалеченное побоями лицо. Дмитрий наклонился ближе. Его губы... мои губы. Расстояние между ними измеряется в паре жалких сантиметрах. Его горячие выдохи обжигают мои щёки, сжигают волосы. Дотла... Превращая их в пепел. Я зажмуриваюсь. Невольно облизываюсь, в ожидании своего первого поцелуя.

Он наклоняется ещё ближе, я вся на нервах! Меня рвёт в клочья от желания почувствовать его губы на своих губах. Это невыносимо. Никогда не думала, что так бывает. Что когда-нибудь я смогу испытать нечто подобное. Что когда-нибудь меня будет наизнанку выворачивать от сумасшедшего вожделения!

К мужчине. Властному, опасному, красивому. С глазами самого демона.

Ещё немного и это случится... Спротивляться бесполезно. Как блоху раздавит и слезу не уронит. Одним мизинцем раздавит! Плевать! Я в его власти! Вся. Вся его! И я хочу этого не меньше. Мне кажется, я родилась, чтобы принадлежать ему. Надменному дьяволу в шикарном смокинге, стоимостью как целый авиалайнер.

Я поддаюсь вперёд, навстречу окрыляющему дурману, выгибаю спину, облизываю губы. Как вдруг... Дурацкий телефонный рингтон за долю секунды разбивает мои сумасшедшие фантазии вдребезги! Мужчина отскакивает от меня как от холеры, отвечая на звонок.

– Через пять минут. Машину к чёрному входу. Едим в аэропорт. Вечеринка окончена. – Бегло протараторил, добавив: – Нет, сделка сорвалась. В другой раз.

Появились более важные дела. Я его не дождался...

Во время разговора я быстро вскочила с постели и судорожно натянула на себя ужасное платье бульварной проститутки, расшитое блестящими пайетками.

– Что, испугалась? – Дмитрий выключил телефон, обернулся, властно прожигая меня насквозь своими опасными глазами. – Думала насиловать буду? Напрасно...

В ответ я лишь уныло опустила голову в пол, пряча своё пылающее смущением лицо в растрёпанных волосах. Напоследок, бизнесмен грубо добавил:

– Ты похожа на старое, потрёпанное одеяло. Так что можешь расслабиться... Мне больше по душе девушки из высшего общества. А не ширпотреб на базаре.

Ударил! Ух, как же больно ударил! Словами. Я обиделась. Он унизил меня. И это так больно! Мне ведь не привыкать. Я выросла в самой реальной заднице мира! Меня били практически каждый день, обзывали каждую минуту. У меня уже давно выработался иммунитет к невербальному насилию. А тут...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/star_dana/nemoy-krik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)